

УДК 39:069.7;316.7

ББК 63.5:79.1;60.54

Э91

Печатается по решению Ученого совета
Российского этнографического музея

Редакционная коллегия:

*Д. А. Баранов, Е. Е. Герасименко, В. В. Горбачева, В. А. Дмитриев,
Т. Г. Емельяненко, Л. А. Жгун, Н. М. Калашникова, Ю. А. Купина,
А. Б. Островский, Л. Ф. Попова, И. И. Шангина*

Э91 Этнографический музей как феномен культуры: Материалы Двадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений.—СПб.: Российский этнографический музей, 2021—312 с.

Тематика «Чтений-2021» посвящена основным направлениям работы этнографических музеев с коллекциями — их комплектованию, изучению и экспонированию. В докладах анализируется вклад музеев в конструирование идентичностей (этнической, региональной, национальной), рассматривается их деятельность по репрезентации этнических культур. Специальное внимание уделено персоналиям: основателям музеев, собирателям, исследователям этнографических коллекций.

ISBN 978–5–7937–1977–3

© Авторы, 2021

© Российский этнографический музей, 2021

А. А. Михайлова

Между сербами и хорватами: традиционные костюмы шокцев в собрании Российского этнографического музея

Михайлова Алена Алексеевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Белоруссии, Украины и Молдавии, научный сотрудник ведущей категории, кандидат исторических наук; alena-muzej@yandex.ru

С XIX в. культура южнославянского народа шокцев оказалась прочно вовлечена в процесс сербского и хорватского национального строительства. В этнографической литературе вопрос о том, субэтносом какого из этих двух народов являются шокцы, до сих пор вызывает споры. На Всероссийской выставке 1867 г. семь шокских костюмов были представлены как костюмы сербов-католиков. В настоящее время они хранятся в фондах Российского этнографического музея. В XXI в. актуализуется проблема корректной атрибуции этих памятников с учетом изменений этнополитической карты той области, откуда происходит культура шокцев. Анализ этих изменений заставляет поставить вопрос о целесообразности рассмотрения традиционной культуры шокцев второй трети XIX в. как самостоятельного феномена. В докладе также приводятся обстоятельства попадания памятников в собрание Российского этнографического музея и впервые уделяется внимание фигуре деятеля, предоставившего мужской и женский костюмы шокцев из г. Субботицы для Всероссийской этнографической выставки 1867 г.

Ключевые слова: традиционный костюм, Воеводина, национализм, идентичность, наследие.

Наследие легендарной Всероссийской этнографической выставки 1867 г., хранящееся в собрании Российского этнографического музея (далее РЭМ), представляет собой ценнейший источник для изучения этнического разнообразия населения сразу нескольких империй середины XIX в. Особое место в нем занимают памятники традиционной культуры южных славян, проживавших в Австрийской и Османской империях. Именно в этот период этническое самосознание этих народов оказалось тесно

переплетено с процессом формирования национальных идентичностей, обусловившим возникновение на месте империй национальных государств. Политические трансформации и военные конфликты XX в. стали факторами усиления межэтнического разграничения и таких негативных проявлений национализма, как ангажированное переписывание истории, попытки присвоения общеареального культурного наследия, распространение идеи превосходства одной этнической группы над другой. В связи с этим объективный анализ этнографических данных, подтверждаемых музейными артефактами, способствует сохранению достоверных знаний о прошлом южнославянских народов.

Балканские этнографические памятники, демонстрировавшиеся на выставке, датируются преимущественно второй третью XIX в. и составляют около тысячи единиц хранения. В учетной документации музея они числятся за болгарами, сербами, македонцами, хорватами, черногорцами и словенцами, что соответствует современному разделению южных славян на национальные общности, но не отражает их этнокультурной вариативности того периода. Комплекс источников, по которым изучается выставка (переписка организаторов, указатели, путеводители, фотографии, музейная документация и др.), свидетельствует о том, что на выставке были представлены костюмы морлаков, сережан, шокцев, загорян, бокезцев, ресавцев и др. локальных групп, которые в XX в. стали частью вышеперечисленных более крупных сообществ. Таким образом, в условиях кардинально изменившегося за полтора столетия этнокультурного ландшафта Балканского региона материалы выставки позволяют проследить, из каких субэтнических компонентов складывались современные нации.

Факт того, что этноконфессиональные конструкты, утвердившиеся в XX в., отличаются от представлений об этих народах во второй трети XIX в. в материалах выставки находит отражение в контексте сербо-хорватского вопроса. В публичной дискуссии об этнических отличиях этих двух лингвистически близких друг другу народов уже тогда обсуждалась возможность различать их по конфессиональному или диалектному признакам¹. Однако на практике эти категории не всегда совпадали с соответствующим самосознанием. Так, к сербам могли относить себя не только православные, но также католики и мусульмане.

В общественной риторике также подчеркивалось, что сербы и хорваты имеют общее происхождение². От этого отталкивалась идея югославизма, призывавшая их к политическому сближению³. Практическая реализация этой идеи в XX в. не привела к стиранию этнических границ и способствовала обратному.

В 1930-х гг. среди православных сербов широкое распространение получил так называемый святославский национализм, в основе которого лежала синтагма: один народ, одна религия, одно государство⁴. Эта идеология породила стереотип о том, что сербами могут считаться лишь православные, поскольку именно церковь пронесла через века мифологизированный образ сербской государственности. Пережив ревитализацию в период югославского кризиса в конце XX в., святославская идея не теряет своей актуальности до сих пор.

Одним из проявлений постюгославского национализма стало использование объектов из этнографических собраний в качестве символов новых национальных идентичностей для легитимизации их связи с прошлым. РЭМ столкнулся с тем, что интерес обращающихся к его собранию сербских исследователей был направлен на выявление предметов, маркирующих сербскую этничность, а хорватских, соответственно, хорватскую. Это поставило перед музеем задачу защиты наследия от ложных интерпретаций и ангажированной репрезентации.

Таким образом, уточнение атрибуции этнической маркированности памятников, учтенных в РЭМ как сербские и хорватские, приобретает принципиальное значение. Это связано также и с хорошо известным фактом, что материалы выставки содержат немало ошибочных и неточных данных. Путаница в атрибуции части памятников произошла уже на этапе подготовки к выставке, затем была растиражирована в посвященных ей изданиях⁵ и приумножена при перемещении предметов из одного музея в другой⁶.

Уточнений также требуют и имена тех, кто непосредственно приобретал костюмы к выставке. В качестве фондообразователя коллекции славянских костюмов чаще всего указывается имя священника церкви при российском посольстве в Вене М. Ф. Равевского (1811–1884 гг.), координировавшего сбор вещей на австрийских территориях и отправлявшего их в Москву. Однако самую сложную работу по приобретению костюмов и фотографий выполняли активисты на местах. Так, в частности, архивные документы позволили определить, что два костюма сержан, представленных на выставке как хорватские, были приобретены карловацким протопопом Н. Беговичем у своих прихожан – православных сербов в с. Перна⁷. В фокус настоящего доклада помещена другая похожая проблема: атрибуция костюмов шокцев – этнической группы с территории современных Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии и Венгрии, представленных на выставке 1867 г. в числе сербских экспонатов.

Согласно «Указателю», всего на выставке демонстрировалось восемнадцать сербских мужских и женских костюмных комплексов⁸. Отмечалось, что шесть из них принадлежали шокцам – сербам-католикам, проживавшим в окрестностях гг. Сомбора и Суботицы (№ 106–109, 149–150). Данные архивных материалов свидетельствуют о том, что костюм из с. Брег (№ 45) также был шокским⁹. Эти костюмы были присланы на выставку из Воеводины – австрийской окраины, граничившей со Смедеревским санджаком Османской империи. В отличие от Смедеревского санджака, населявшегося преимущественно сербами, Воеводина представляла собой довольно пестрый в этническом отношении регион. В ней проживали сербы, венгры, румыны, шокцы, буневцы, русины, словаки и др. народы.

Об этногенезе шокцев нет единого мнения. По одной из гипотез они осели в Славонии еще в период славянского освоения Балкан, по другой – переселились в XVI в. в Срем, Банат и Бачку из Боснии, Герцеговины и Далмации, спасаясь от турецкого зулума¹⁰. Поскольку большинство населения этих областей осело в них в более позднее время, шокцев условно считают старожилами. Они являются носителями архаичного икавского восточнославянского говора и большей частью исповедуют католицизм, поскольку столетиями проживали в Габсбургской империи. По австрийской переписи 1840 г. шокцев насчитывалось более 200 тысяч человек, в конце XIX в. – чуть более 50 тысяч, а на сегодняшний день – около 2 тысяч человек¹¹. Большинство из них проживает на территории Хорватии и изъясняется как хорваты, сохраняя шокскую идентичность в качестве локальной. На территории современной Сербии шокцев насчитывается чуть более 1500 человек. Они проживают в окрестностях г. Сомбора, в сс. Бачки Брег, Бачки Моноштор и Сонта, откуда в 1866 г. и были присланы на выставку образцы их традиционного костюма и фотографические портреты.

Идея отправить на выставку в Москву шокские костюмы принадлежала Н. Вукичевичу (1830–1910 гг.), главному преподавателю педагогической школы в г. Сомборе (впоследствии ее директору). Обстоятельства приобретения экспонатов он описал в пяти письмах к М. Ф. Раевскому, ныне хранящихся в архиве РЭМ. В них он отмечал, что населяющие Бачку сербы, буневцы, шокцы и русины имеют разные традиционные костюмы, а также отличаются чертами лица. В костюмах их можно было встретить только в праздники и на воскресной службе. Подлинно сербских костюмов в регионе уже не было, поскольку сербы предпочитали носить городскую одежду европейского образца. В то же время у шокцев

традиционный костюм сохранялся по всей Славонии и в Бараньской области Мохач (Венгрия)¹². Таким образом, Н. Вукичевич невольно свидетельствовал о том, что между сербами и шокцами существовали не только конфессиональные, но и другие зримые различия, выражавшиеся в костюме и специфике их антропологических черт. Все упомянутые им шокские фамилии (Дражин, Пеяк, Проданов) морфологически отличались от сербских, традиционно оканчивавшихся на «-ич». В своих письмах Н. Вукичевич настойчиво называл шокцев сербами-католиками, при этом не переставал подчеркивать их культурное своеобразие и противопоставлять сербам: «Одежда земледельческих сербов роскошная, но очень дорогая, а вот у шокцев-крестьян должна быть дешевле, потому что она довольно проста, и они сами ее изготавливают»¹³.

Справедливости ради стоит отметить, что к сербам шокцев относил не только Н. Вукичевич, но и многие этнографы XIX в.¹⁴ Однако на практике с этим соглашались далеко не все. В сербских газетах конца XIX в. встречаются заметки, в которых образ шокцев рисовался совершенно инородным для сербской общности, в то время как боснийские мусульмане, ей представлялись намного ближе¹⁵. Тем не менее, по мере укрепления молодой сербской государственности и ее идеологии в духе косовского завета, культивировавшегося сербской православной церковью, усилилась и эксклюзия неправославных славян, сделавшая их для сербской нации чужими¹⁶. Принцип конфессионального маркирования этничности включил шокцев в начале XX в. в орбиту хорватского национализма. Вопреки тому, что до второй половины XIX в. этноним «хорваты» практически не употреблялся в Славонии¹⁷, распространилось мнение, что народность шокцы является хорватским субэтносом. То, что шокцы прежде не были хорватами признавали даже хорватские этнографы. А. Радич, в частности, писал: «Если бы вы еще хотя бы 20 лет назад оказались в тех краях и назвали шокцев хорватами, вам бы повезло, если бы они над вами только посмеялись, а не поколотили за это. Эти люди называли себя шокцами, но не хорватами!»¹⁸ Однако, с появлением Государства сербов, хорватов, словенцев тенденция изъяснения шокцами в качестве хорватов получила большое распространение.

Определенная часть шокского населения еще несколько десятилетий сохраняла свою идентичность. Апогея хорватизация шокцев достигла по окончании Второй мировой войны, когда 14 мая 1945 г. на государственном уровне было объявлено о том, что национальности «шокцы» не существует, вследствие чего, во всех документах ее следует заменять на этноним «хорваты»¹⁹.

Самосознание своего этнического отличия от сербов и хорватов к настоящему моменту сохранила небольшая часть шокцев, проживающих в Венгрии. Все эти факты заставляют задуматься о том насколько отождествление шокской и сербской культур правомерно, особенно применительно к этнографическому наследию, предназначение которого – описывать культурное разнообразие народов, а не наоборот.

Более длительное по сравнению с другими народами бытование традиционного костюма у шокцев указывает на сохранявшуюся у них потребность маркировать свою этническую обособленность от других населявших регион этнических групп. Из писем Н. Вукиевича следует, что визуально выделить шокца из толпы не составляло труда. Об обстоятельствах приобретения одного из шокских костюмов он, в частности, писал: «Накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы в городе на ярмарке я увидел трех шокских девушек из села Брег (ныне с. Бачки Брег) – одну замужнюю и двух незамужних. Мне пришлось их очень долго уговаривать, чтобы они еще раз приехали в город на следующий день для фотографирования. Я пообещал им по 1 форинту вознаграждения и их фотографии в подарок. У одной из незамужних девушек я купил ее костюм, который она привезет в воскресенье»²⁰. Спустя неделю семнадцатилетняя Клара Дражина действительно привезла Н. Вукиевичу свой костюм, оказавшийся очень старым и изношенным. Н. Вукиевич сперва не хотел его брать, но после замены рубахи и передника на более новые согласился.

Фотографии и костюмы, присланные Н. Вукиевичем на выставку, а также составленные им описания, позволяют выделить основные черты женского шокского традиционного костюма. Девичий костюм состоял из длинной рубахи из кенарной и льняной тканей с округлым воротом на сборке, без воротника и прямым пазушным разрезом. Рукава рубах были присборены в плечах и у кистей. Края рукавов и подола украшались кружевом. Особенностью рубах были вставки кружевной тесьмы на спине и в виде клиньев по подолу. Ритмичные узоры из блесток и цветных шерстяных ниток проходили несколькими тонкими полосами от ворота к поясу, от пояса к краю подола или вокруг него, а также по плечам и низу рукавов. Поверх рубахи носился передник, в будничные дни – из пестрой хлопчатобумажной ткани, а в праздничные – тканый из шерстяных нитей в разноцветные горизонтальные полосы. Костюм дополняли цветные бусы, серьги, накосные ленты или легкий узорчатый платок. Замужние женщины носили поверх рубахи однотонную юбку, белый тон-

кий платок, закрывавший шею, а также головной убор *наглавало*, состоявший из платка, надетого на легкую шапочку, декорированную золотными нитями и кружевом. Н. Вукичевич писал: «Другой одежды шокацкие девушки не имеют и ходят в ней как летом, так и зимой. Зимой поверх рубахи они надевают шерстяную юбку. Кроме того, они носят красные сапожки с желтыми краями, но только по большим праздникам. Поскольку на фотографирование они пришли в будничный день, то все три были босы, и мне пришлось распорядиться снимать их в таком виде. Возможно, мне пришлось несколько переплатить за шокские костюмы, но в продаже их нет – шокцы делают их себе сами»²¹.

Задавшись целью приобрести также костюмы брачной пары, Н. Вукичевич отправился на храмовый праздник в то самое село, откуда ему был привезен девичий костюм. Дорога заняла три с половиной часа. Там ему сообщили, что когда муж восемнадцатилетней Марии Продановой Павлович из с. Сонта узнал о том, что она фотографировалась для выставки, он сильно избил ее. На сельском празднике Н. Вукичевич познакомился с шокской супружеской парой Мариным и Мартой (урожд. Шелунова) Пеяк, которым было по 18 лет. Он смог уговорить их сфотографироваться в традиционных костюмах, а затем приобрел у них эти костюмы для выставки. Поездка была результативной еще и потому, что шокцы помогли Н. Вукичевичу приобрести еще два шокских костюма, но уже из с. Моноштор.

Благодаря этим приобретениям и фотографиям можно также выделить основные черты мужского шокского костюма. Рубаха и летние штаны к нему также шились из льняного полотна. Края рукавов и широких штанин украшались кружевом, вышивкой и блестками. Поверх рубахи носился жилет, а на шею повязывался платок с золотной бахромой. На голове была шляпа, декорированная цветами, а на ногах – портянки и кожаные лапти.

Еще одна пара шокских костюмов, мужской и женский, также была прислана на выставку из г. Субботицы. В «Указателе» значилось, что их носили богатые шокские кушцы, но не указывалось имя того, кто их приобрел. Это имя обнаруживается в письме Н. Вукичевича, в котором он писал, что обратился за помощью в приобретении костюмов к почтовому чиновнику Божидаву Вуичичу (1840–1899 гг.) в г. Субботица²². Б. Вуичич был хорошо известным общественным деятелем, крупным землевладельцем. В сербских газетах писали: «Не было ни единого события у нашего народа, в котором бы дядя Бошко не принял участия. Он был настоящим Сербом и всегда всем помогал, в том числе финансово»²³. Таким образом, есть все основания полагать, что

именно Б. Вуичич предоставил на выставку костюмы шокцев из г. Субботицы.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что шокцы, область расселения которых совпала с территорией сербохорватского этнополитического разграничения, в XIX–XX вв. оказались зоне сильнейшего воздействия сербского и хорватского национализма²⁴. Это способствовало быстрому сокращению числа лиц с шокской идентичностью и ее замещением сербской или хорватской, о чем свидетельствует статистика. Более трети костюмов, представленных на выставку 1867 г. как сербские, происходило из католической среды, что противоречит современным представлениям о сербской традиционной культуре как православной. В то же время оснований для отождествления шокского наследия с хорватской культурой также недостаточно, поскольку инкорпорирование шокцев в хорватское сообщество произошло уже в XX в. Напрашивается вывод о том, что материалы выставки 1867 г. зафиксировали шокскую традиционную культуру как этнографический факт. Во многих своих чертах она была схожа с сербской и хорватской, но обладала самобытной внутренней природой. Это подтверждается сохранением шокского самосознания в Южной Венгрии, где влияние сербского и хорватского национализма оказалось слабее. Таким образом, репрезентация памятников традиционной культуры шокцев в пространстве музея и этнографическом дискурсе видится целесообразной в качестве самостоятельного феномена, но в контексте фактора соседства.

¹ Карађић В. С. Срби и Хрвати//Видовдан. 1861. Бр. 31.

² Škiljan F. Identitet Srba u Hrvatskoj. Politička misao: časopis za politologiju. 2014. № 51 (2). S. 111–134.

³ Шарова В. Л. Йосип Юрай Штросмайер и проекты объединения народов монархии Габсбургов: От иллиризма к югославизму//Центральноевропейские исследования. СПб., 2017. С. 145.

⁴ Kostić N. Upotreba Svetog Save u postavljanju etnoreligijskih granica// Sociologija. 2017. Vol. LIX. № 3. S. 332.

⁵ Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею. М., 1905. С. 55–56; Каталог Дашковского этнографического музея. М., 1877. С. 26–27; Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1887. С. 36–37.

⁶ Ипполитова А. Б. История музея народов СССР в Москве//Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

⁷ Михайлова А. А. Сережане на границе Габсбургской империи: проблема интерпретации музейного наследия в свете исторической трансформации этнокультурного ландшафта//Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 49–68.

⁸ Указатель Русской этнографической выставки, устроенной Императорским обществом любителей естествознания, состоящим при Императорском Московском университете. М., 1867. С. 101, 102, 107.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ Иванић И. Буњевци и Шокци. Београд: Д. Дмитријевић, 1899. С. 24–25.

¹¹ Оп. cit. С. 15.

¹² АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5, 11.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Czoernig K. Ethnographie der Österreichischen monarchie. Wien, 1857; Ficker A. Die Völkerstämme der Österreichisch-Ungarischen Monarchie, ihre Gebiete, Gränzen und Inseln. Wien, 1869; Hunfalvy P. Ethnographie von Ungarn. Budapest, 1877.

¹⁵ Најновији зулуми у Босни и Херцеговини//Застава. № 181. 19.11.1899.

¹⁶ Павловић-Лучић, Ј. Срби католици//Српски Глас. 1890. № 9.

¹⁷ Никифоров К. В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 36.

¹⁸ Радић А. Тко је створио Хрвате?//Дом. 10 stud. 1904.

¹⁹ Историјски архив Суботица. Књ. Окружни народни одбор у Суботици. Бр. 5869.

²⁰ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об.

²¹ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 11.

²² АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 17.

²³ Вести из места и са стране//Застава 19 stud. 1899.

²⁴ Žigmanov T. Šokački Hrvati u Vojvodini na prijelazu tisućljeća// Migracijske i etničke teme. 2009. Br. 25 (4). S. 387–409.

UDC 391

A. A. Mikhailova

Between Serbs and Croats: Shokian Traditional
Costumes in the Collection of The Russian
Museum of Ethnography

Mikhailova Alena Alexeevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg); the Department of Ethnography of the Peoples of Belarus, Ukraina, Moldavia, chief research fellow, Ph. D. (History); alena-muzej@yandex.ru

Since the XIX century the culture of the South Slavic people Shokians (Šokci) was firmly involved in the process of Serbian and Croatian nation-building. The question with which of these two peoples Shokians are ethnically related is still a matter of controversy in the ethnographic literature. At the All-Russian Exhibition of 1867, seven Shokian costumes were presented as the costumes of Catholic Serbs. Currently they are stored in the depository of the Russian Museum of Ethnography. Taking into

account changes in the ethnopolitical map of the area from which the Shokian culture originates a matter of correct attribution of these items becomes of particular importance. The analysis of these changes forces to raise the question of the expediency of considering the traditional culture of the Shokians as a self-sufficient phenomenon. The report also cites the incoming circumstances of the Shokian costumes in the museum collection. Special attention for the first ever is paid to the personality who provided a pair of Shokian costumes from Subbotitsa city for the All-Russian ethnographic exhibition of 1867.

Key words: traditional costume, Voyvodina, nationalism, identity, heritage.